

Ван увидел двух лисиц, стоявших на задних лапах, прислонившись к дереву. Одна из них держала в руках лист бумаги, и они смеялись, точно над хорошей шуткой.

Ван попробовал спугнуть лисиц, но не тут-то было; тогда он бросился на лисицу, державшую листок, подбил ей глаз и отнял бумагу. На постоялом дворе Ван рассказал о своем приключении. В это время появился господин с синяком под глазом. Он с интересом выслушал Вана и попросил показать ему бумагу. Ван уже протягивал лист, как вдруг хозяин постоялого двора заметил у новоприбывшего хвост. «Это лисица!» — закричал хозяин, и человек мгновенно обернулся лисицей и убежал.

Лисицы не однажды пытались вернуть бумагу, покрытую непонятными письменами, но безуспешно. Ван решил вернуться домой. В пути он встретил все свое семейство, направлявшееся в столицу. Родные Вана утверждали, что двинулись в путь по его просьбе, а мать показала письмо, в котором он приказывал продать все имущество и приехать к нему в столицу. Ван внимательно посмотрел на письмо и увидел, что это чистый лист. И, хотя они остались без крова, Ван решил: «Возвращаемся».

Однажды в доме объявился один из младших братьев, которого все считали умершим. Он принялся расспрашивать о злоключениях семьи, и Ван рассказал ему всю историю. «Ах, — сказал брат, услышав о столкновении с лисицами, — в этом-то корень всех бед». Ван показал брату листок. Тот поспешно схватил бумагу. Заполучив желаемое, он издал какой-то возглас и, обернувшись лисицей, убежал.

Ню Цзян. «История о лисицах». —
Личная библиотека Борхеса.
Антология фантастической
литературы. СПб., 1999, с. 402.

Все в известном нам мире подчинено симметрии. У нас две руки, две ноги, два глаза. Только болотный хмырь стал бы утверждать после этого, что наш мир единичен во Вселенной.

Акад. С. Черноморов

Глава 1

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ГРОБУЛИЯ

Гробулия Склеппи, придворная фрейлина Царства Огня, сладко спала на огромной кровати из деодеда¹ с четырьмя резными головами сатиров, которые имели свойство каждый раз за полчаса до полуночи менять выражение. В данный момент одна из голов была демонически угрюма, другая хохотала, третья рыдала отравленными анчарными слезами, четвертая же спала, похрапывая во сне громче самого царя Бэра, о котором придворные льстецы говорили, что он храпит музыкально, на три такта исполняя государственственный гимн. Злые же языки утверждали, что каждый раз в полнолуние Бэр полностью выхрапы-

---

¹ Редкое магическое дерево. Не горит в огне, не тонет в воде, но взрывается при одном звучании слова «баобаб». К счастью, упомянутое дерево не известно в данном измерении. На слово же наложено табу.

Дмитрий Емец

вает легкомысленную песенку: «Я у реченьки гуляла, водяного повстречала».

Кровать Гробулии была роскошна, но имела дурную славу. Сказать по секрету, ни у кого другого в царстве, кроме самой Склеппи с ее извечной тягой к могильному юмору, не хватило бы смелости поставить ее у себя в покоях.

Двенадцатью годами до того на ней был задушен подушкой первый магнистр Пламмельбурга, вызвавший гнев Ее Величества царицы Нуи тем, что упорно прикидывался трезвенником, не желая осушать чашу с ядом. А еще девять лет и семь месяцев спустя суровый магшал Рокк на этом же ложе зарубил двуручным мечом свою легкомысленную супругу и ее пажа. Меч магшала Рокка был знаменитый «Сын Пламени», второй из трех великих мечей царства. Лезвие его было сплошной огонь, красноватый и даже с искрой у рукояти и испепеляюще белый к краю. Лучшее всего «Сын Пламени» разил перед рассветом. В дождь же он почти терял свою силу и едва мог справиться с заурядным заговоренным щитом.

Если приглядеться, можно было заметить, что спящая Склеппи что-то держала в руках, гладила и прижимала к щеке. Это были самые обычные варежки — красные пушистые варежки на резинке, которую обычно продевают в рукава маленьким детям, чтобы варежки не потерялись. Теперешней Гробулии они едва налезли бы и на нос. В Царстве Огня, где даже в суровые зимы никогда не замерзала вода и не опадали листья, варежки были экзотикой, тревожащей и опасной.

— Чьи это маленькие ручки? — поцелуй в ладонь. — Какая ты у меня большая девочка, Аня! Ты в прошлый раз не замерзла? Надеюсь, эти новые варежки ты не будешь стаскивать?

Она трясет головой — как же можно их стаскивать на морозе, когда даже дома ей не хочется их снимать?

— Не отходи далеко от подъезда! Стой так, чтобы я постоянно видела тебя из окна.

— Ага.

— И не приноси большедохлых птиц. Сколько можно? Я не хочу, чтобы у моей дочки лежали под подушкой мертвые замороженные птицы со свешивающимися головами. Теперь, когда у тебя такие чудесные варежки, ты же не будешь больше этого делать?

— Не-а, обещаю, что не буду. Я же не убиваю их!

— Но ты их подбираешь. Еще неизвестно, что лучше. Стой ровно, не вертись!

Ее берут и легонько дружелюбно трясут, застегивая пуговицы. Варежки — маленькие, пушистые, очень приятные — облегают руки. Только резинка чуть мешается в рукавах. Но и это терпимо. Резинка — это надежность, залог того, что варежки не потеряются.

— И не придумывай себе больше эти мертвецкие имена. Ты огорчаешь этим свою маму! Ну беги, зайка! Чтобы я тебя видела из окна, помни! Я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, мам!

Она сбегает по лестнице — второй этаж кирпичной пятиэтажки. В подъезде полутьма. Пахнет штукатуркой, недавно вымытыми ступеньками и сигаретными окурками, которые мокнут в банках на подоконниках. И ко всему этому примешивается вкусный, манящий

Дмитрий Емец

запах домашней стряпни из нижних квартир. Склеппи немного боится подъезда. Она крадется вниз, на секунду оказывается в полной темноте нижней площадки у урчащего распределительного щита — и пытается нащупать дверь. И вот наконец новые варезжки нащупывают длинную деревянную ручку двери подъезда и чуть в стороне — кнопку, открывающую домофон. Нажимает, слышит комариный писк, толкает. И ей в глаза бьет снежная, колючая, такая манящая белизна...

Внезапно в спокойный сон Гробулии проникло извне какое-то беспокойство.

— Опять эта наглая Склеппи! Сколько можно выносить ее выкрутасы? Да разбудите же ее кто-нибудь! — жалующимся голосом крикнул кто-то.

— Сама буди, Эйда!

— Почему я? Она сейчас пинаться начнет!

— Смотрите, у нее в руках опять ее проклятый амулет вуду! Может, отобрать его?

— Ага, сама попробуй. Она тебя наизнанку вывернет... Ты что, не знаешь Склеппи?

— Но нас же много!

— Нас много, но это-то Склеппи!

Истошно завизжала случайно затесавшаяся в толпу фрейлин любимая борзая принцессы Августы, которой в суматохе отдавили лапу. Гробулия попыталась зарыться в перину и применить заклинание невидимости, но этот фокус не сработал: ее все равно нашарили. Ощувив, что ее самым бесцеремонным образом трясут, Склеппи наугад пнула ногой, но ни в кого не попала. Зато за ее ногу лов-

ко ухватились и не отпускали уже, лишая Гробулию возможности наносить новые пинки.

— Стыдись, Гробулия! Ты позоришь высокое звание фрейлины! Ее Высочество не желает начинать без тебя свой утренний туалет!.. Она может опоздать на прием, и это сегодня, когда ей должны представить ее жениха принца Форна! Какой скандал! Когда-нибудь иссякнет даже безграничное терпение Его Величества Бэра III и он велит залить тебе в горло кубок раскаленной лавы! — сказал чей-то писклявый от ответственности голос.

— Иди ты в театр, Эйда! — открывая глаза, внятно сказала Склеппи. Она уже поняла, что он, *тот самый сон*, который она так любила и так надеялась запомнить, — опять ускользнул. Ну почему? Почему всегда так? Ни разу ей не удавалось досмотреть его до конца. Всякий раз все заканчивалось яркой белой вспышкой света.

От такой наглости фрейлины опешили и даже отпустили ногу, но, опомнившись, надели на Гробулию все разом и начали стягивать с кровати. Спротивляясь, Гробулия посылала их в консерваторию, в цирк, на гладиаторские бои и куда придется, но зудящий рой фрейлин не отставал. Некоторое время Склеппи отбивалась гремучими огненными запуками и рыжими молниями, соскальзывающими с ее талисмана подобно змеям, а затем, когда талисман у нее отняли, то и подушкой. И лишь потеряв ее в пылу боя, она смирилась и свесила с кровати ноги.

— Уговорили! Я сейчас приду! Только дайте мне одеться! — сказала она звенящим от честности голо-

Дмитрий Емец

сом, быстро пряча варежки в укромную нишу в спинке кровати. Век варежек недолог, но потому так сладок он... За прошедшие годы пух вылез. Моль прогрызла дыры. Сквозь обмякшую резинку проглядывают желтоватые прожилки, давно утратившие упругость. Сколько раз варежки, как на волоске, повисали на своей резинке над распахнутой пастью мусоропровода, однако она так и не нашла в себе сил расстаться с ними. Они стали ее талисманом, с которым она не расстанется ни в одном из миров, куда ни заведут ее извилистые дороги магии... Если кто-то захочет украсть варежки из ниши кровати — хотя никто в Царстве Огня не посмеет связаться с загадочным амулетом вуду, — в руку вору войдут сразу четыре отравленных шипа, пропитанных смолой анчара, и голова сатира зальется лицемерными слезами над похолодевшим трупом. Древние кровати умеют хранить тайны — свои и чужие. — Не хотите уходить? Ну тогда отвернитесь! — сказала Склеппи еще честнее, надеясь вздремнуть еще хотя бы минуту. Возможно, чудесный сон вернется.

Но наученные горьким опытом фрейлины не поддаются и на эту уловку. Одиннадцать фрейлин в двадцать две руки наспех одевают Склеппи и увлекают ее за собой...

* * *

Шестнадцатилетняя принцесса Августа, единственная дочь Бэра III, грозного повелителя Царства Огня, и его супруги Нуи, которая после рокового

проклятия воздушных магов вообразала себя палачом, металась по своей спальне. Сказать, что она была взволнована или встревожена, значило просто промолчать. Единственное, чего принцесса не делала, — не извергала огонь, да и то потому, что это значило бы отнимать хлеб у придворных драконов.

Едва Гробулия появилась в ее опочивальне, принцесса Августа кинулась к ней.

— Склеппи, ты бросила меня, негодница! Все меня бросили!.. Если я вам надоела, так и скажите! И я уйду! Оставлю все и уйду в простом рубище и с мешком за плечами! — крикнула она со слезами на глазах.

Гробулия подавила зевок и выполнила на три такта церемонное придворное приветствие. Принцесса Августа грозилась уйти по два раза в неделю, но то ли рубище было не того фасона, то ли в мешок помещалось мало бриллиантов... Сказав еще пару фраз о своих невыносимых страданиях, Августа остановилась и позволила фрейлинам приступить к утреннему туалету. Пока одни обтирали лицо и шею принцессы губкой, другие — с чулками, корсетом и шуршащими юбками — терпеливо ожидали своей очереди.

У всех женщин царской фамилии лица были длинными, лбы низкими, а нижняя челюсть непропорционально тяжелой, точно они держали во рту камень. Придворные льстецы утверждали, что это лучшее доказательство чистоты крови — ведь прабабушкой принцессы по материнской линии была легендарная Амулия Великолепная, императрица Всех Царств. Злоязычное же простонародье находило более простое и правдоподобное объяснение.

Дмитрий Емец

«Лошадиный сглаз, сосед! Нечего было на кентавров войной ходить — вот и домахались сабелькой. Семь поколений теперь весь род отдуваться будет».

Наконец, совсем уже одетая и готовая к приему, принцесса Августа села на высокий стул у зеркала. Почетной обязанностью Гробулии — чему завидовали все без исключения фрейлины — было расчесывать и укладывать принцессе волосы. Взяв деревянный гребень, все еще хмурая Склеппи решительно взялась за дело.

— Эй, что с тобой сегодня? Ты дернула меня за косы! — с возмущением воскликнула принцесса.

— С каких это пор жирные макароны, прилипшие к лысине, стали называться косами? — пробурчала Гробулия.

— Ты что-то сказала, Склеппи? — переспросила Августа.

— Я сказала: простите, Ваше Высочество! Я очень сожалею, что причинила вам неудобство. Мерси, пардон, ай эм сорри, их либе дих!

— Прекрати говорить эти слова, ненавижу черную магию! Ты сказала что-то другое! Я не глухая! — подозрительно сказала принцесса.

— Ваше Высочество, есть сколько угодно других фрейлин, которые лучше меня умеют укладывать волосы! Кроме того, это вообще можно сделать с помощью магии. *Фенус бальзамус брадобреюс; Эпиляторус тоталис* или что-то в этом духе, — заявила Гробулия.

Одиннадцать фрейлин в ужасе притихли. Ох уж эта Склеппи! Разве кто-нибудь еще осмелился бы сказать это принцессе? Августа надулась.

— Но я хочу, чтобы меня расчесывала именно ты! Будешь отказываться — тебя бросят в медного быка, хоть ты и моя подруга. Так будешь расчесывать или нет? — топнув ногой, сказала она.

— Да сколько угодно буду! Но только ближе к вечеру. До обеда я ничего не соображаю... Это не мое астральное время! Сейчас моя карма на подзарядке, мозги в починке, а я сама в отключке, — заявила Гробулия.

Угроза принцессы бросить ее в раскаленного быка не произвела на нее впечатления. В Огненном Царстве темперамент почти у всех был соответственный, а характер пребывал где-то на отметке между «скверный» и «очень скверный». Зато и остывали все быстро.

— Не соображаешь ничего? Я давно это заметила. Но почему, Склеппи? — хихикнула принцесса.

— Просто надо ложиться не позже рассвета, а не бродить по дворцу! Тогда десять утра перестанет быть безумной ранью! — не удержавшись, наябедничала толстая фрейлина Эйда Сирос, удостоенная чести обувать принцессе правую туфельку. Гробулию она терпеть не могла, впрочем, та платила ей взаимностью.

Августа с любопытством уставилась на Склеппи.

— Это правда, что ты гуляешь по ночам?.. А, знаю: свидание! Какого бедного пажа ты охмурила сегодня?.. Хи-хи... последний отвергнутый тобой осел вздумал заколоться кинжалом прямо у дверей моей спальни. Только почему-то решил, что сердце у него в ляжке, — хмыкнула принцесса.

Гробулия убито кивнула:

